

Н. Л. Шилова

АДАМ И ЕВА НА ОСТРОВЕ КИЖИ: ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ Ю. КАЗАКОВА*

Петрозаводский государственный университет, Российская Федерация, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Статья посвящена кижским реалиям и их роли в сюжете рассказа Ю. Казакова «Адам и Ева» (1962). Опубликованные письма и дневники писателя позволяют исследовать истоки интереса Ю. Казакова к Карелии, некоторые обстоятельства его поездки в на остров Кижь в 1959 г. В статье предлагается историко-литературный и реальный комментарий к деталям художественного пространства «Адама и Евы». Библиогр. 5 назв.

Ключевые слова: локальный текст, островной текст, художественное пространство, ландшафт.

ADAM AND EVE ON THE ISLAND OF KIZHI: ONE PLOT BY YURI KAZAKOV

N. L. Shilova

Petrozavodsk State University, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation

The article observes Kizhi realities in the plot of Y. Kazakov's novel "Adam and Eve" (1962). Some published letters of the end of the 1950s contain a reference to the author's travel to Karelia and Kizhi Island in the autumn of 1959, which was reflected in the story. The image of a northern island with an ancient church determined the artistic context of the novel that was written shortly thereafter. The article presents a research of writer's interest to Kizhi Island as well as some historical-cultural and real comments on some details of artistic topography of "Adam and Eve". Y. Kazakov's novel offers the possibility of seeing the transformation of real terrain's features in the poetic context, some interactional verges of seen and fictitious. Facts and observations offered in the article complement and refine the existing idea of "northern theme" in writer's works. Refs 5.

Keywords: local text, island text, artistic space, landscape.

Северная тема — одна из магистральных в творчестве Ю. Казакова. Впервые он самостоятельно отправился на Русский Север в 1956 г., получив творческую командировку от журнала «Знамя» [1, с. 264]. По итогам и впечатлениям путешествий вышли книги, принесшие автору широкую известность в СССР и за рубежом. Биографы и исследователи, разумеется, не оставили эту часть творческого пути Казакова без внимания. Важные замечания о ней содержатся в работах А. Варламова, Е. Галимовой, Ю. Кузьмичева. Как правило, северные маршруты Казакова отождествляются в специальных исследованиях с Белым морем, Архангельском, Мезенью, Северной Двиной. В те края писатель ездил чаще всего, о них больше всего написал. Реже упоминаются Канин нос, Кольский полуостров, Белозерск, Череповец [1, с. 264–265]. За пределами исследования остаются пока карельские мотивы, представленные в творчестве Казакова менее масштабно. Однако без их учета наше представление о художественном мире писателя неполно. Некоторые из этих мотивов лежат на самой поверхности и легко установимы. Так дело обстоит с очерком «Калевала» (1962), в котором описывается поездка Ю. Казакова в Северную Карелию к легендарной сосне Лённрота, входящим в состав знаменитого «Северного дневника». Очер-

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ковые тексты имеют здесь то преимущество, что местность с ее реалиями названа прямо. Иначе в художественных текстах. Здесь локусы могут быть прямо не названы, а впечатления от реальной местности трансформируются, переплавляются в поэтической реторте. В таких случаях описанная в рассказе местность может долгое время оставаться неузнанной и неназванной исследователями. Как кажется, именно такова ситуация с рассказом Ю. Казакова «Адам и Ева», опубликованным в том же, что и очерк «Калевала», 1962 г.

Традиционно художественное пространство «Адама и Евы» анализируется как поэтически условное — это некий условный Север и условный остров. Однако данная точка зрения может быть оспорена¹. С одной стороны, действительно, все имена и названия в рассказе вымышлены. С другой — художественное пространство рассказа содержит отсылки к конкретным локусам, которые вполне могут быть определены и названы — это Карелия, Петрозаводск и остров Кижы. Атрибутировать их позволяет как сам текст, так и архивы Казакова, проливающие свет на причины интереса автора к острову Кижы и обстоятельства его знакомства с ним.

Исследовать этот вопрос тем более интересно, что, судя по существующим биографическим источникам, «кижская страница» путешествий писателя оказалась в значительной степени забыта. Кижский Погост крайне редко упоминается в описаниях северных маршрутов писателя, несмотря на то что указание на эти маршруты — общее место в статьях о Казакове и предисловиях к его книгам. Нет его в подробном и репрезентативном перечне маршрутов Казакова, содержащемся в «Биографической канве», составленной И. С. Кузьмичевым [1, с. 261–267]. В то же время, например, в мемуарной книге В. Конецкого, автор которой опубликовал дружескую переписку с Казаковым конца 1950-х — начала 1960-х годов, есть сведения о поездке в Кижы в 1959 г. 21 августа 1959 г. Казаков писал Конецкому: «Сидим мы сейчас с Коринцом в Псковской обл., в Лядском районе и этак через недельку думаем подаваться в Питер. В Питере мы пробудем недолго и двинем дальше — в Петрозаводск, Повенец, Кижы, Сороку (Беломорск) и на Белое море, а там мы восплачем и побегим по волнам и ни черта не утонем» [2, с. 26]. Приведенные строки свидетельствуют о том, что Кижы и Петрозаводск входили в географический кругозор Казакова, и о его желании включить эти локусы в маршрут своих северных странствий. О том, что поездка состоялась, свидетельствует другой документ. 23 ноября 1959 г. Казаков снова писал Конецкому: «Ну вот, старик, груз новостей сброшен на твои плечи, теперь мне осталось только сказать, что девочка моя приехала в Петрозаводск и мы с ней уединились на десять дней в Кижях, питались рыбой, молоком и картошкой» [2, с. 352]. Последняя цитата помимо упоминаний интересующих нас мест еще и находит параллель в фабуле «Адама и Евы»: и в том и в другом случае речь идет о романтическом уединении пары на северном острове. История из письма и фабула рассказа при этом существенно отличаются друг от друга. В «Адаме и Еве» очень мало от деревенской идиллии, отмеченной в письме Конецкому, и герои расстаются на третий день очень непростого сосуществования. Однако если возвратиться к особенностям художественного пространства рассказа, то можно утверждать, что между той поездкой и сюжетом рассказа существуют прототипические отношения.

¹ Автор выражает благодарность историку, писателю, старшему научному сотруднику музея-заповедника «Кижы» Б. А. Гущину за указание на возможную связь места действия рассказа с островом Кижы.

Контекст творчества Ю. Казакова и его опубликованные архивы 1950–1960-х годов позволяют понять и то, откуда возникли интерес писателя к острову Кижы и желание поехать на остров. Можно выделить сразу несколько мотивирующих обстоятельств. Самое очевидное, пространственное обстоятельство — интерес к Русскому Северу вообще. Традиционно, как уже было сказано, понятие Русского Севера связывается в прозе Казакова с Архангельском, Белым морем, Лопшеньгой. Гораздо менее значительной на этом фоне казалась карельская поездка писателя, нашедшая отражение в очерке «Калевала», где описывается путешествие на север Карелии к легендарной «сосне Лённрота», совершенное вместе с карельским писателем Ортьё Степановым и сказительницами Татьяной Перттунен и Марией Михеевой². Однако, как видно из писем 1959 г., помимо Калевалы Казаков побывал и в других местах Карелии.

Второе обстоятельство носит временной характер. Интерес к Кижам в конце 1950-х годов выглядит неслучайным. Это время — особенное в истории острова, время основания музея-заповедника и открытия острова, прежде труднодоступного и малоизвестного для широких кругов посетителей. В 1950-е годы на острове проходит реставрация Преображенской церкви. С середины 1950-х годов начинается доставка на остров первых туристов. В 1955 г. Кижский архитектурный заповедник «официально принял первых посетителей. В штате появилась должность экскурсовода, а для обеспечения порядка были выделены два дежурных милиционера. Экскурсанты прибывали на остров на пароход, швартовавшемся к причалу прямо напротив архитектурного ансамбля. Кижский погост стал экскурсионно-туристическим центром, представляющим культурно-просветительский и научный интерес» [3, с. 17]. С одной стороны, остров попадает в поле внимания творческой интеллигенции. С другой — его образ еще не растиражирован масскультом. Позже на остров будут прибывать многие официальные делегации, в том числе писательские. Казаков же едет на Кижы, когда остров только начинает осваиваться «большой культурой», когда знакомство с ним еще сохраняет черты личного открытия, и, что примечательно, едет осенью, когда туристический сезон уже закрыт. Пребывание на острове в этот момент сродни отшельничеству, бегству из большого мира, и в рассказе «Адам и Ева» мотивы отшельничества, как и конфликта с официальной культурой, играют существенную роль.

Третий фактор — литературный и биографический. Опубликованные архивы Казакова свидетельствуют о своеобразном литературоцентризме его сознания, проявлявшемся, например, в особом пиетете по отношению к любимым авторам, с миром которых — поэтическим, а по возможности и биографическим, — Казаков стремился соприкоснуться как можно полнее. Так было с Хемингуэем. Следы подражания его персонажам легко обнаруживаются в дружеской переписке Казакова даже на уровне стиля. Так было с Пришвиным, чьи книги подтолкнули молодого Казакова отправиться на Белое море [1, с. 95]. Так было и с Паустовским, которым молодой Казаков восхищался, по отношению к которому ощущал определенную преемственность.

² Примечательно, что том последнего, трехтомного собрания сочинений Казакова, содержащий «Северный дневник» и его главу «Калевала», назван издателями по известному очерку писателя «Соловецкие мечтания». В этом видится отождествление Русского Севера Казакова с Беломорьем, что, как кажется, несколько упрощает и сужает наше представление о «северной теме» Казакова.

С Паустовским они познакомились в Дубултах в 1957 г., затем переписывались. Казаков был, конечно, знаком с биографией Паустовского и его поездками, по крайней мере в той их части, которая нашла отражение в опубликованных текстах. К числу таких эпизодов относится поездка Паустовского в Петрозаводск и на остров Кижы в 1932 г. Паустовский приехал тогда для работы над исторической повестью «Судьба Шарля Лонсевиля». В повесть вошли главы, посвященные Кижскому восстанию XVIII в., не связанные по времени с основной фабулой произведения. О днях, проведенных в Петрозаводске, и о поездке на Кижы Паустовский писал в повести «Золотая роза», опубликованной в конце 1950-х, очень лаконично, но выразительно. Казаков повесть прочитал и неоднократно упоминал в переписке 1957–1958 гг., т. е. в годы, непосредственно предшествующие поездке [1, с. 275–276, 280]. Так что эти «паустовские» места были для Казакова тогда значимы и, как можно предположить, сформировали очередной северный маршрут его странствий. Паустовскому об этом маршруте Казаков тоже написал 30 августа 1959 г.: «Я сейчас в Питере с Коринцом <...> Отсюда мы двинем в Карелию или в Новгород» [1, с. 287].

Колорит мест, увиденных в этом путешествии, точно передан в рассказе Казакова. Изображенное в «Адаме и Еве» пространство узнаваемо за счет ряда топографических маркеров, уникальных для местности. Интерес к конкретному пространству находит отражение в специфических формах выражения. Например, говорится о том, что Агеев «ненавидел» в гостиничном ресторане «этих девочек, и пижонов, и скверных музыкантов, которые пронзительно дудели и стучали по барабану, и скверную еду, и здешнюю водку-сучок, которую буфетчица всегда не доливала» [4, с. 256]. Эпитет «здешний» — в числе тех маркеров, что ориентируют читателя на восприятие конкретного пространства, отграниченного от остального мира, который «там».

О том, какое именно место имеется в виду, где располагается это «здесь», недвусмысленно сообщают читателю карельские и финские реалии, встречающиеся в рассказе. Так, обслуживает Агеева в привокзальном буфете официантка с нерусским произношением и финским именем Жанна Юоналайнен. Озеро, среди которого расположен остров, Жанна называет тоже по-фински «ярви».

- Художники нас не рисуют, — немного не по-русски выговорила официантка.
- Откуда ты знаешь? — Агеев посмотрел на ее грудь.
- О! Им надобятся рыбаки. И рабочие, стрел... стрелочники. Или у нас ярви имеет островок и деревянная церковь. Они все едут туда, еду-ут... Москва и Ленинград. И все вот так, в беретах, да? [4, с. 257].

Слово «ярви» — еще и связующее звено между «Адамом и Евой» и очерком «Калевала». В последнем оно упоминается как часть топонима Ала-ярви, который включен в текст не в последнюю очередь для передачи местного колорита, что характерно для путевых заметок. В «Адаме и Еве», где работает другая жанровая форма, остается только обобщенное «ярви». Местный колорит сохраняется, а географическая конкретика исчезает. В другом месте рассказа встречается карельское слово «салми» (пролив), бытующее в Обонежье и Заонежье, что еще больше конкретизирует локализацию действия. В северном городе у озера на границе русского и финского мира легко узнается появляющийся по воле автора инкогнито Петрозаводск.

Важным опознавательным знаком служит и тот факт, что в рассказе Казаков дважды называет остров и его строения «музейными». Причем оба раза определение появляется в значимых, сильных местах описания. Первое — в эпизоде прибытия героев на остров: «Когда совсем подошли к острову, стала видна ветряная мельница, прекрасная старинная изба, амбарные постройки — все пустое, неподвижное, музейное» [4, с. 265]. Второе — в момент отъезда Вики в финале рассказа: «Агеев повернулся к свету спиной и увидел, как луч прожектора дымно дрожит на прекрасной старой музейной избе» [4, с. 279]. Первый эпизод — это и первое впечатление от острова. Второй — обостренное его видение в свете происходящей драмы. Карелия, озеро, остров, музей — ряд деталей не дает возможности ошибиться с атрибуцией места.

Такого рода пространственных маркеров в тексте рассказа достаточно. Наряду с очевидными есть и не столь бросающиеся в глаза локальные штрихи, связанные с историей описываемой местности. Например, упомянутое официанткой творческое паломничество на остров столичных художников. Действительно, художники одними из первых проложили путь на труднодоступный в первой половине XX в. остров. Они отправлялись писать Кижский Погост задолго до организации музея и туристических маршрутов: «На острове Кижы побывали И. Я. Билибин (1904 г.), И. Э. Грабарь (1909 г.) и М. В. Красовский (1916 г.). И. Я. Билибин писал: "...нигде мне не приходилось видеть такого размаха строительной фантазии, как в Кижях. ...Что за зодчий был, который строил такие церкви!". Постепенно Кижы становятся известными: издаются почтовые открытки с видами Кижского погоста, а в 1911 г. картина художника Шлуглейта с изображением Кижского погоста была приобретена императором Николаем II» [3, с. 13].

Легко заметить, что в рассказе Казакова пространство выписано с предельной четкостью и детализацией. Это и образы построек: ветряной мельницы, погоста, причала. И образы местных жителей, населяющих этот край и добирающихся тем же паромом в Малую Губу (здесь явно варьируется название ближайших к Кижам населенных пунктов Сенная Губа и Великая Губа): «Проходы были завалены мешками с картошкой, корзинами, кадками с огурцами, какими-то тюками. И народ был все местный, добирающийся до какой-нибудь Малой Губы. И разговоры были тоже местные: о скотине, о новых постановлениях, о тещах, о рыбодобыче, о леспромхозах и о погоде» [4, с. 261]. Правдиво воспроизведен образ озера, «по которому ветер гнал беспорядочную темную волну», берега, где во время переправы на остров «смутно, медленно тянулись бурые, уже сквозящие леса, деревни, потемневшие от дождей, бакены и растрепанные вешки» [4, с. 260], наконец, сам узнаваемый ландшафт кижских шхер: «К острову паром подходил вечером. Глухо и отдаленно стогрела кроткая заря, стало смеркаться, паром шел бесчисленными шхерами. Уже видна была темная, многшатровая церковь, и пока паром подходил к острову, церковь перекачивалась по горизонту то направо, то налево, а однажды оказалась даже сзади» [4, с. 265].

Интересно, что церковь в последнем приведенном фрагменте названа «многшатровой», хотя знаменит Кижский Погост своим многоглавием. Впрочем, в дальнейшем развернутом описании отражена конструкция, соответствующая скорее силуэту кижского архитектурного ансамбля с луковицами-главками: «...и, когда Агеев шел с восточной стороны, церковь великолепным силуэтом возвышалась над ним,

светясь промежутками между луковицами куполов и пролетами колокольни» [4, с. 267]. Многошатровые церкви чаще встречались в Архангельской области. Почему Казаков переименовывает конструкцию церкви? Будь это просто ошибкой, у автора была бы возможность исправить ее в переизданиях рассказа. Не исключено, что неточность в настоящем случае сознательно оставлена в тексте, что продиктовано желанием автора уйти от очерковой конкретики, излишней фотографичности, топографического педантизма и, напротив, расширить пространство рассказа, придав ему символическое обобщающее значение, что хорошо заметно на всех уровнях повествования. Ведь назови он церковь в рассказе многоглавой, а остров — Кижами, и рассказ получился бы о Кижях и только о них. А замысел Казакова шире. И Кижь, и Русский Север для автора не самоцель, но отправная точка, ведущая к обретению некоего знания о мире и человеке. Это знание и вырастает из места, местности, и перерастает ее в своей универсальной значимости.

Взаимоотношения образа и прообраза в «Адаме и Еве» на порядок более сложны, нежели в северной очерковой прозе, где документальная основа повествования чаще всего коррелирует с документальным же именованием персонажей (реальных лиц) и мест (топонимов). В рассказе же топография Кижей описана с детальностью, буквально провоцирующей на комментирование с точки зрения исторических и географических реалий, а вымышленная топонимика, наоборот, не локализует, а расширяет пространственные границы сюжета. Никак не названы ни город, из которого Агеев отправляется на остров, ни озеро, среди которого остров расположен. Сам остров назван Сег-Погостом. Его название вымышленное, но сконструировано оно из «реального» локального материала. «Погост» отсылает к «Кижскому Погосту», а топоним «Сег» созвучен ряду карельских названий (Сегозеро, Сегежа). Соседний с Сег-Погостом островок назван Кижма-остров. И в этом случае название как бы намекает на «Кижь» своим звучанием, но и уходит от него.

В отличие от очерковой прозы, поэтика «Адама и Евы» в существенных своих моментах — от конструирования вымышленной топонимики до символического заглавия с открытыми библейскими коннотациями — подчинена принципу поэтизации и мифологизации, переходу от «здесь и сейчас» к «везде и всегда». В рассказе доминирует план художественности, в котором, по справедливому замечанию Ю. Лотмана, «пространство подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира» [5, с. 252].

В то же время подробное и многогранное описание кижского ландшафта свидетельствуют о том, что остров сыграл важную роль в становлении и реализации художественного замысла. Так, заглавие, превращающее любовную драму современных автору персонажей в мистерию об Адаме и Еве, скорее всего, навеяно образом древней деревянной церкви, к которой то и дело возвращается повествование. Ее образ впервые возникает еще до поездки на остров, в разговоре с официанткой, затем в разных ракурсах — в путешествии на остров и во время пребывания на нем. Библейская же параллель к истории героев не случайно возникает на фоне настойчивого повторения образа церкви. Поссорившись с Викой, Агеев «повел губой и вышел. Он потихоньку обошел вокруг погоста, окружавшего церковь» [4, с. 267]. «Мимо церкви по берегу озера» движется он дальше к пристани, где сядет размышлять о своей жизни и где возникнет в его сознании образ: «Он и она, как Адам и Ева, на темном пустом острове, наедине со звездами и водой» [4, с. 269]. И к церкви же ему

придется мысленно вернуться, возвращаясь с пристани: «Сойдя с пристани, отвернувшись от озера, он опять увидел древнюю большую церковь и маленькую гостиницу, приютившуюся подле. В гостинице хорошо светились окна, тогда как церковь была темна, замкнута и чужда ему. Но что-то в церкви этой было властное, вызывающее мысли о гениальном народе, об истории — еще о покое, уединении» [4, с. 269]. Этот фрагмент, с одной стороны, может быть объяснен чисто топографически: церковь настойчиво упоминается потому, что Агееву постоянно приходится проходить мимо нее. С другой стороны, храмовый ансамбль Преображенской и Покровской церквей — еще и визуальное ядро острова, семантический центр Кижского Погоста. И при ближайшем рассмотрении видно, что этот образ у Казакова расставляет важные смысловые акценты в сюжете, формируя дополнительный, небытовой пласт смыслов. Вблизи церкви самая ссора с Викой приобретает черты конфликта более масштабного, апокалиптического, что лаконично выражено у Казакова в короткой рефлексии героя: «Ну, вот и конец света!» — подумал Агеев, пройдя мимо церкви по берегу озера» [4, с. 267].

Приведенными примерами параллели между топографией кижской поездки Ю. Казакова и художественным пространством рассказа «Адам и Ева» не исчерпываются. Их роль в повествовании еще будет уточнена в дальнейших исследованиях. Однако уже сейчас можно сказать, что сюжет рассказа во многом связан с особенностями кижского ландшафта. Ярче всего это видно на примере образа церкви. Думается, подобное значение имеют также образы озера и острова. Все эти пространственные детали составляют не просто фон повествования, но становятся в «Адаме и Еве» важными элементами поэтического языка для создания истории, сопрягающей в едином хронотопе человеческое и природное, временное и вечное.

Литература

1. Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал “Звезда”», 2012. 536 с.
2. Конецкий В. В. Некоторым образом драма. Л.: Советский писатель, 1989. 368 с.
3. Музей-заповедник «Кижский». 40 лет. Петрозаводск: Scandinavia, 2006. 208 с.
4. Казаков Ю. П. Адам и Ева // Казаков Ю. П. Странник. [Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1]. М.: Русский мир, 2008. С. 255–280.
5. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Шилова Наталья Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент;
natalia.l.shilova@gmail.com

Shilova Natalia L. — Candidate of Philology, Associate Professor; natalia.l.shilova@gmail.com